

1918

Весенние пропуски
врагов.

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ.

ВЕСЕННИЕ ПРОИСКИ ВРАГОВ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва — 1922.

1919

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ.

ЕЧ 171

В 513

Б 8

X

ВЕСЕННИЕ ПРОИСКИ ВРАГОВ

(Стенографический отчет речи
т. Троцкого на торжественном
заседании Московского Совета
в годовщину февральской
революции 12 марта 1922 года).

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва — 1922.

ТОВАРИЩИ, задача моего доклада чисто деловая—предупредить, во первых, кой-кого за пределами союзных и братских советских республик, а затем—и главным образом—трудящиеся массы в пределах нашей республики.

Отсрочка геновзской конференции.

Вот уже сколько недель мы переживаем период подготовки к Геновзской конференции... Факт приглашения Советской Республики в Геную был нами всеми воспринят, как крупнейший политический факт, и все мы, каждый по своей должности, „по своему роду оружия“, принялись за подготовку деловых серьезных предложений на конференцию, в которой должны были принять участие представители 40 государств. Конференция намечалась на начало марта (кажется, на 6-е или 8-е), а затем вокруг конференции началась сложная игра, в которой мы с вами участия не принимали, а играли другие—вокруг нас и против нас.

Франция в лице Бриана согласилась, в лице Пуанкаре потребовала отсрочки. Затем произошло профессиональное несчастье с парламентским министерством в Италии, и гостеприимная Италия попросила отсрочки. Англия утверждала, что отсрочки не будет; Ллойд-Джордж, инициатор предложения и, как говорят его противники (а может быть думают его друзья), с этим предложением связал судьбу своего министерства. Тем не менее, конференция оказалась отсроченной более, чем на месяц. Новая для нее дата—10-е апреля. Состоится ли она

в этот срок, мы не знаем. Будем надеяться, что состоится. Тем не менее самый факт отсрочки уже получил крупнейшее политическое значение, ибо конференция была назначена. Что Ллойд-Джордж не обращался к нам случайно, в результате личной импровизации, в этом был уверен весь мир: Ллойд-Джордж занимает слишком ответственный пост, чтобы шутить шутки с нами и тем более — с собственным народом...

Затем пошли слухи о колебании положения того или другого правительства, вынырнули ссылки на факт страстной недели и пасхи (как вы знаете, страстная неделя и пасха — это неожиданные космические события, которых никогда нельзя предвидеть по календарю), — разумеется, Ллойд-Джордж и другие не могли отвечать „за этот форс-мажор“. И мы уже склонялись думать, что это дурная шутка. Вдруг оказалось, что в результате и некоторых других причин конференция отложена на месяц с лишним...

Сейчас относительно апреля у нас нет даже той ограниченной уверенности, какая была в феврале относительно марта. Если падение Бономи отсрочило конференцию на месяц, то на какой срок будет отодвинуто международное совещание, если бы, например, случилось подобное же событие в самой Великобритании? Ведь нельзя же сказать, чтобы законы природы исключали возможность этого!..

Отсрочка Генуи и малые государства.

Эта борьба против Генуэзской конференции, превратившаяся в борьбу за отсрочку Генуэзской конференции, сопровождалась подготовительной политической военной работой в целом ряде государств, особенно государств, находящихся на западе от нас.

Когда французская биржа (точнее: крайнее крыло французской финансовой биржи) говорила, что ни в коем случае не вступит в переговоры с республикой Советов,

то мы то знали, что это означает попытку надбавить 5, 6, 10%, — нетрудно было разглядеть эту механику биржевика, торговца, в переводе на язык дипломатии, она бросалась в глаза всем серьезным, деловым и трезвым людям (а мы, революционеры, — трезвые люди). Другое дело — для мелко-буржуазных элементов, — а в таких государствах у власти стоят мелко-буржуазные, иногда двухвершковые политики, с малым опытом, с малым кругозором; этих обмануть серьезному закаленному биржевнику, империалистскому дипломату — легкое дело.

И вот, когда мы читаем эту палубу по Советской республике, мы уверены, что она предназначена не для нас или — лишь в последнюю очередь для нас; ибо мы думаем, что в Лондоне или даже в Париже, где политика руководится не такими претенциозными людьми, все же сознают, что мы эту систему понимаем. Между нами и Парижем и Лондоном залег ряд новых и опытных государств, — и вот там то эти посылаемые по радио политические, дипломатические и финансовые ядра и застревают. Там они взрываются, там они распространяют удушливые газы и там они дурманят головы правящих групп; за одно с последними и российская бело-гвардейская эмиграция приняла отсрочку конференции, как прямой призыв, как прямой приказ еще раз попытаться счастье в игре, еще раз попробовать разбить Советскую республику.

Опыт прошлого.

Мы помним, товарищи, один такой опыт в малом объеме. Это было в начале 19-го года. То же великобританское правительство взяло на себя инициативу созыва международной конференции с участием России — или с участием тех нескольких „Россий“, которые тогда существовали: многие из вас помнят эту историю с Принцевыми островами, — когда каждое правительство в пре-

делах бывшей Российской империи, имевшее под ногами какой либо кусок территории, приглашалась на Принцёвы острова для выработки соглашения, имеющего задачу спасти Россию.

Чтобы освежить в своей памяти этот эпизод,— конференция была назначена на 15-е февраля 1919 года,— я попросил из Наркоминдела доставить мне соответственные документы. Мне прислали, между прочим, заявление „министра иностранных дел России“ (а тогда на ряду с народным комиссаром иностранных дел Чичериным, был „министр иностранных дел“ Сазонов), который заявил следующее: „В виду непризнания и проч. и проч., имею честь заявить, что ни Екатеринодарское, ни Омское правительства не примут участия в таких совещаниях, на которые будут приглашены большевики“. Они, как видите, очень строго разговаривали—эти екатеринодарские и омские министры иностранных дел...

В Генуе, конечно, дело другое,—там были Принцёвы острова, Генуя же расположена все-таки на полуострове, а не на острове (смех), так что нас не так уже изолируют от Европейского материка... В связи с этим и положение несколько переменилось. Самые крайние наши враги пишут, что там будет Петлюра, там будет Савинков, туда будут приглашены грузинские меньшевики, а о том, что туда будет приглашен и Сазонов,— даже они не решаются занкнуться. И уж разумеется, если бы обстановка в настоящее время была такая, что господа Сазоновы оказались бы приглашенными на конференцию, где будут большевики, вряд-ли они теперь отказались бы, как отказывались в начале 1919 года. Но не в них, конечно, дело.

Что же было после этого? Мы ответили согласием. „Согласны с Сазоновым на одной конференции“, — так ответил Чичерин. А дальше—что было? Назначенная первоначально на 15-е февраля, конференция сперва была отложена, затем—о ней перестали говорить, а затем, примерно, в апреле—мае, началось генеральное на-

ступление Деникина на юге, наступление Колчака от Тобольска—и все это—поддержанное затем Юденичем на северо-западе. 1919 год был самым черным годом для Советской России. И Юденич, и Деникин поняли это сперва приглашение, а потом отказ, как призыв к наступлению против нас, как заранее обдуманную попытку скомпрометировать Советскую республику в общественном мнении Европы, показать, что даже при доброй воле нельзя ничего сделать.

То-есть: приглашение создало благоприятные условия для нового контр-революционного набега. В 1919 году белогвардейцы уже пускали в обращение карту Советской России,—она вся сводилась почти к пределам старого Московского царства и походила на очертание... черепа. В 1919 году приглашение на конференцию превратилось в провокацию. Нам все равно, было ли это сознательно или нет, но мы этот факт твердо помним.

И сейчас не только в Финляндии, которая выступила первой и уже получила урок, но и в других окранных государствах история с Генуэзской конференцией явилась историей о новой подготовке удара против нас. Чтобы это громко сказать, чтобы об этом предупредить, созван настоящий пленум Московского Совета,—и отсюда это должно, как предупреждение, разойтись по всей нашей стране.

Карельский опыт.

Мы здесь слышали доклад тов. Руднева относительно характера Карельского похода. Это, товарищи, звучит в рассказе, как красивая легенда—это уже становится живой героической легендой,—как люди, сверху запотевшие, снизу покрывшиеся ледяной корой, бьют и выносят удары... Там были сотни убитых и раненых, там были сотни обмороженных, которых приходилось эвакуировать. И все это из-за того, что у каких-то правящих классов,

у каких-то правительств не оказалось простейшего глазомера. В свое время мы в самом этом зале предупреждали, чем это кончится; мы предупреждали, что мы пройдемся (указывая на карте) до этой черты и метлой из колючей проволоки, выметем вон тех, кого выбросили на нашу территорию. Результат: убитые, обмороженные, раненные, опустошения — и только... Там надеялись на лиги наций, надеялись на конференции, но лиги наций, т.-е. комбинации буржуазной дипломатии, приходят и уходят, а территориальное соседство, — господа финляндские правители, — остается! И если Финляндия хочет, чтобы она была соседом и сотрудником, то она должна извлечь из карельской авантюры урок. Мы со своей стороны не можем и не хотим позволить ее повторения. Нам второго урока не нужно. (Аплодисменты).

Польско-финляндский военный союз.

Вы знаете, что карельская авантюра вызвала протест из глубины финляндского народа. Вы знаете, что финляндское правительство ответило на это арестами и обвинениями в государственной измене. Вы знаете, что финляндский министр внутренних дел, вина которого состояла только в том, что он был противником этой авантюры, был убит крайними активистскими элементами Финляндии. И вы знаете, с другой стороны, что сейчас ведутся напряженные переговоры между Финляндией и Польшей о заключении польско-финляндского военного договора. Разумеется, этому договору пытаются придать внешне „оборонительную“ форму.

Но от кого оборона? Кто же нападает или собирается нападать на Финляндию? Будем говорить на чистоту и открыто. Мы не считаем, что буржуазные правительства любой страны, в том числе и Финляндии, есть то правительство, которое имеет право на наши большие симпатии, — нет, мы желаем для всех стран рабочего правительства.

Так думает ли финляндское буржуазное правительство, что мы собираемся в Финляндии насаждать рабочее правительство штыком? Думает ли оно, что мы заинтересованы в территориальных захватах, и что у нас нет работы внутри нашей страны?.. Но ведь судьбы буржуазии европейской и мировой не будут разрешаться ни в Гельсингфорсе, ни в Ревеле, ни в Риге, ни (даже) в Варшаве или Бухаресте; они будут решаться в Париже, Лондоне, Берлине и Нью-Йорке. А когда революция победит (мы не знаем, конечно, когда это будет) в своих важнейших очагах—во Франции, Германии, Англии и т. д., тогда не будет вопроса о Финляндии, об Эстонии или Латвии с точки зрения революции, ибо никто же не думает, что между пролетарской Европой и рабоче-крестьянской Россией удержится ожерелье этих буржуазных республик (смех)... Только самые жалкие, ограниченные, тупоумные мелкие буржуа могут думать, что в то время, как мы, считаясь с тем, что в Европе и во всем мире буржуазия стоит на ногах, и что в связи с этим мы вынуждены к торговым сношениям с нею, одновременно будем с оружием в руках заниматься „низвержением финляндской буржуазии“. Только мелкий буржуа с его ограниченным политическим горизонтом может питать такие опасения.

Мы можем сказать финляндской буржуазии и всякой другой из окраинных государств: „У всех у вас есть патроны — французская или английская биржа или их комбинации. Так до тех пор, пока ваши патроны живут—и стоят и действуют, т. е. пока рабочий класс соответствующих стран не взял в свои руки власти (а это, разумеется, не зависит от нас, и не может быть разрешено военным путем, — это зависит от внутреннего, классового сознания, что, в свою очередь, определяется законом истории), так, пока ваши патроны стоят, вы не имеете никаких оснований опасаться Красной армии и Советской республики; а в тот момент, когда ваши патроны падут, у вас просто не останется

времени, чтобы испугаться Советской республики*. (Смех, аплодисменты).

В Финляндии, после карельского опыта, наблюдается некоторое расчленение буржуазного общественного мнения,—как будто первые буквы логической азбуки берут верх над шовинистическим угаром. Наш народный комиссар иностранных дел получил заверение, которое мы очень приветствуем, надеясь, что оно станет живым делом и фактом: финляндское правительство через своего представителя заверяет, что „беженцам“ не будет позволено приступать к каким бы то ни было военным упражнениям против России. А мы как раз имели и имеем сведения о том, что карельские „беженцы“ сосредоточиваются за этой чертой (показывает на карту) и под видом пограничной охраны занимаются военными упражнениями. Далее, нас уверяют, что „имеющиеся у военных властей РСФСР сведения о военных упражнениях карельцев лишены основания и что карельцев не принимали и не будут принимать в отряды пограничной стражи“. Вместе с тем финляндское правительство заявляет, что „Финляндия желает добросовестно осуществлять заключенный в Юрьеве мирный договор“; тут же высказывается надежда, что „при последовавшем ныне со стороны Финляндии урегулировании отношений (я не уверен, урегулированы ли отношения именно со стороны Финляндии,—с нашей они отчасти урегулированы тов. Рудневым и теми, кто был с ним), „со стороны правительства РСФСР будет приступлено к быстрому осуществлению заключенного в Ревеле мирного договора, и что, следовательно: 1) начнется эвакуация, 2) работы центральной смешанной русско-финляндской комиссии будут немедленно возобновлены и 3) запрещение торговли с Финляндией отменено“.

Все совершенно правильно — вполне в интересах наших и Финляндии,—как известно, запрещение торговли нашей с Финляндией фактически уже отменено. Далее, Финляндия предлагает дело обеспечения непри-

косновенности границ поручить той же центральной комиссии. Какая бы ни была эта комиссия, она должна будет разрабатывать схему мероприятий на основе нынешнего печального опыта. В основу ее работы надо положить очень простые принципы. Первый принцип: как на западной, так и на восточной сторонах по эту красную черту (показывая на карте) не должно быть нерегулярных частей. Пограничную охрану несут регулярные войска, а за нерегулярные войска отвечает регулярное правительство... если таковое существует (аплодисменты, смех). За банды, которые формируются справа и слева, отвечает правительство. Если банды из Финляндии переходят на нашу территорию, или с нашей—на финляндскую территорию (чего, конечно, не будет), они рассматриваются, как регулярные части. Другими словами, после соглашения переход банд через пограничную черту значит и нами рассматривается, как открытое об'явление нам военных действий со стороны правительства Гельсингфорса. Иначе нельзя регулировать отношений. И мы надеемся, что тут мы лучше добьемся этого урегулирования. Это соглашение защитит Финляндию несравненно лучше, чем военный, по существу наступательный договор с Польшей, или чем та попытка, которую делает Финляндское правительство (мы это знаем) — получить против нас военную помощь со стороны Румынии. Мы должны и хотим сейчас сказать Финляндскому народу, которому мы желаем спокойствия, мира и преуспевания, что мы заинтересованы так же, как и он, в том, чтобы финляндский народ даже ни одного мизинца не давал кой-кому в Польше и Румынии по причинам, которые слишком понятны...

Военный союз Финляндии с Польшей и Румынией означает для нас, что мы должны опасаться удара по более длинной пограничной черте; это означает, что мы должны иметь 2—3 лишних дивизии на соответствующем расстоянии от западной границы. Это тяжело. Лиш-

няя дивизия—это тяжелая вещь; но мы с этой лишней ношей справимся. Каждый из нас знает, что у нас не может быть ни территориальных, ни патриотических, ни революционных побуждений для объявления войны кому бы то ни было из государства, находящихся к западу от нас. Но военный союз Финляндии с Польшей есть опасность и для Финляндии; есть увеличение опасности для нас на известную дробь—на $\frac{1}{10}$. Для Финляндии же опасность возрастает на дробные десять десятых!... Мы подождем, как развернутся события, но пока что мы с полным удовлетворением отмечаем заявление финляндского правительства, которое хочет соглашения, торговли, мирных отношений и обеспечения границы.

За западной чертой Финляндии начинается Скандинавия... У нас со Швецией и с Норвегией договор более широкий, чем торгового характера,— и ни Швеция, ни Норвегия, с одной стороны, ни мы—с другой, не терпим от того. Из Швеции и Норвегии мы привозим паровозы, сельди и др. товары и уплачиваем за них золотом. Эта же, финляндская, граница (указывая на карте) при нынешних настроениях допускает только два товара: банду и контрабанду. (Смех, аплодисменты)... Мы положительно приветствовали бы, если бы финляндское правительство приняло не польскую и французскую, а скандинавскую ориентацию. Это было бы выгодно и для Финляндии, и для нас, а также было бы полезней для развития культуры на всем северо-западе.

Отношения с Эстонией и Латвией.

Две другие страны, идущие южнее—Эстония и Латвия... Мы твердо рассчитываем (конечно, военные ведомства не могут быть такими же оптимистами, как дипломаты), что из Эстонии и Латвии нам не грозит никакой опасности, и что здесь торговые и мирные отношения будут развиваться и впредь. Хотя не скрою, что в намеченных относительно весны операциях есть

пункт, касающийся Латвии и Эстонии: здесь говорится о предполагаемом походе на Псков и Гдов. Будем надеяться, что „Лига“ примет необходимые меры к тому, чтобы эта часть контр-революционной стратегии на Псков — Гдов так и осталась на бумаге, ибо мы не можем иметь две границы—одну для регулярных войск, а другую для нерегулярных; мы не можем иметь несколько трактатов, одни для легального правительства и другие—для нелегального, и еще отдельно—для польского штаба! Мы же не можем вести такой двойкой дипломатической бухгалтерии; мы будем вынуждены вести для всех стран одну: и всякую банду, которая переходит на нашу территорию, мы будем рассматривать как регулярную армию данного государства, за которую данное государство отвечает полностью и целиком.

Отношения с Польшей.

Труднее дело с Польшей... Вы все еще помните то возбуждение, которое охватило рабочие массы осенью прошлого года. Сначала переговоры, затем соглашение, подписанное с нашей стороны Караханом и с той стороны Домбским, а затем одно из самых возмутительных по откровенности и цинизму нарушений этого соглашения—в виде петлюровского удара.

Теперь в тревожное время пред-генуэзских настроений снова и в полном объеме ставится вопрос о политике Варшавы относительно нас. Одна английская буржуазная газета („Вестминстергазет“) задает польскому правительству следующий вопрос: правда ли, что Польша разрешила, так называемому, правительству Петлюры оставаться на польской территории? Польское правительство,—напоминает газета,—обязалось своей подписью выслать этих граждан со своей территории. Затем газета ставит следующий вопрос: от кого Петлюра получает субсидии, достигающие 30 миллионов марок в

месяц? Кстати сказать, товарищи, это не такая колоссальная сумма,—дело идет о польских марках... (Смех). „Польское правительство обязано дать исчерпывающий ответ на эти вопросы“, задаваемые ему серьезной буржуазно-английской газетой.

Мы не беремся угадать, что ответит на это польское правительство, и не знаем, ответит ли вообще. Но в распоряжении нашего правительства имеются новые поучительные для России сведения.

Во-первых, нам известно, что Савинкову на смену явились другие—Петлюра и Тютюник, непременно желающие быть в Украине. В настоящее время Петлюра проживает в Варшаве, адрес его известен господину Скирмунту, польскому министру иностранных дел, который тоже проживает в Варшаве... Конечно, Петлюра и его компания сейчас же переменяют свои адреса, потому что это „правительство“ весьма портативно: все их имущество уместится в одном чемодане, и им очень легко, в случае опасности, пересечь на другую улицу.

Нам известно, что петлюровцы во главе с Петлюрой, Вовно, Безручкой, Данильчуком и др. в „Польском отеле“ устраивают свои „военные совещания“ и ведут переговоры с врангелевцами (ген. Махров) по заключению договора о совместных действиях; такие же переговоры ведутся с представителями свергнутых ныне закавказских правительств. Далее, Балахович, этот генерал от большой дороги, хлопочет о предоставлении ему 10.000 человек для... лесных и санных весенних заготовок. К этому мы можем добавить, что они уже приступили к заготовке этого „леса и сена“—в восточных областях Польши уже имеются дружины, приспособленные для... лесных и санных работ, вооруженные винтовками и обучающиеся военному строю... И еще мы знаем, что инженер Путята, правая рука Балаховича, для этих „работ“ получил 37 миллионов польских марок.

Вот как там готовятся к весенним полевым работам! Это должен знать каждый красноармеец.

Мы знаем, конечно, как важен в данном случае хороший фураж и знаем, что он необходим в вполне достаточном количестве. Мы в свое время много страдали от недостатка фуража; естественно, что и польское правительство, приступая к своей кампании, должно запастись в достаточной степени этим фуражом, и оно усиленно сейчас ищет фуража... Но любопытно вот что: кто бы ни стоял сейчас там у власти (там тоже за последние дни произошли недоразумения), кто бы ни ведал там хозяйственными заготовками, кто бы ни делал эту „лесную и сennую“ политику — почему то они ищут фуража поближе к границе... И нам приходится сказать своим красным кавалеристам: „Следите за тем, чтобы и у нас было достаточно фуража“.

С другой стороны, есть сведения о том, что французский генеральный штаб (или, может быть, у них есть „2-й отдел“ — специально назначенный для этого?) в курсе всех этих предприятий, и что в Верхней Силезии накапливаются дополнительные силы Франции, чтобы, в случае удачи, помочь и поддержать Польшу: оттуда идут танки.

Это, конечно, опасная часть нашей границы! Я сказал, что нам за польской границей искать нечего; но за ней — там еще не отказались от мысли о „границах 72 года“, да и Петлюра не отказался от Украины и польского над ней протектората. Самый воздух за польской границей отравлен шовинизмом. В том все несчастье Польши, что фактически правящая в ней клика находится в состоянии националистического бреда и совершенно лишена возможности дать себе отчет об окружающей действительности. Мы же трезвые люди. Когда хотим оценить ту или другую политическую обстановку, мы прежде всего измеряем температуру; и если термометр показывает температуру выше 37 градусов, то мы заявляем, что прежде всего нужно принять порошок хинина — и только потом уже приступаем к тому или другому действию. Из продолжительных

наблюдений над польским правительством, мы вынесли вполне определенное впечатление, что Польша политически управляется людьми, у которых температура все время держится на уровне 39—40 градусов. Это является величайшей опасностью для Польши, потому что, если там рискнут на опыты, вроде карельского, то это, смеем заверить, будут чрезвычайно тяжкие опыты.

Теперь в Польше новое правительство и мы теперь больше всего желаем, чтобы оно было достаточно трезвым, чтобы оно разумно управляло страной—и чтобы оно свою политическую работу производило при температуре не иначе, как в 37 градусов¹⁾.

Тогда мы можем быть уверены, что на нашей польской границе осложнений не будет.

Отношения с Румынией.

Еще менее обнадеживающий характер имеют отношения с Румынией. У меня в руках доклад, сделанный в заседании „Верховного монархического Совета“. Есть

¹⁾ Очевидно, Польша научилась понимать, что с огнем шутить опасно. Телеграмма из Варшавы от 23 марта приводит следующее сообщение польской газеты „Курьер Польский“:

„Ночью на 23 марта в Варшаве были произведены обыски среди русских монархистов, бывших сановников, аристократов, генералов и др., которые вели конспиративную работу, вредную для интересов польского государства. Лишь эти будут высланы из пределов республики. Число арестованных, у которых найдены различные чрезвычайно компрометирующие документы, доходит до 17 человек. Среди арестованных находятся: Новиков, Любимова, Горлов, Махров, Гершельман и другие. Часть арестованных после допроса выслана из Варшавы, остальные находятся под арестом. По словам „Работника“, арестованные члены русской монархической организации развлекли оживленную деятельность на территории республики, особенно после высылки Савинкова. Эти монархисты получали от Врангеля и находились в тесном контакте с монархическими центрами в Берлине и Белграде. По сообщению „Газеты Польской“, генералы Гершельман, Махров и Новиков, а также Закутин уже выехали. Сегодня будут высланы Дьяков и Писарев. Расследование продолжается“.

Редакция.

такой „совет“ у нашей эмиграции. Доклад, разумеется, „совершенно секретный“ (и потому мы его получаем с разных сторон—по крайней мере в десяти копиях).. Кстати отметить, что это общее явление; когда десять членов „Верховного монархического“ или иного „совета“ собираются, то потом каждый из них по двум адресам направляет свое предательство... Так вот что здесь: от 15/1 за № 590/ВП докладывали: „Из Румынии получены сведения, что новое восстание на Украине приурочивается к началу Генуэзской конференции. Украинские формации получили предписание готовиться к наступлению. Формации Скоропадского будут принимать участие в этом наступлении. Главный удар ожидается со стороны Бендер. С начала января сюда постоянно прибывают небольшими группами украинские части. Замечена также артиллерия, около 30 орудий и несколько пулеметов. Между французской миссией, генералом Поповичем и украинскими представителями идут переговоры об избрании главнокомандующего экспедиционного корпуса. Разрешение этого вопроса представляет большие затруднения; французы настаивают на назначении генерала Грекова. Многие украинские части высказывались против Грекова, как руссофила. Заметны усиленные сношения с украинскими организациями в Польше. Дельвинг выезжает в Варшаву и Тарнов для координации действий... С 1-го января украинские офицеры получают такое же жалование, как и румынские офицеры. Французская военная миссия подарила броневик „Марашешти“. Это невинное название, товарищи, для нас трудно,—и, если нам придется его отбить, мы его переименуем. (Аплодисменты).

С другой стороны, румынские социал-демократические газеты открыто сообщают о следующих фактах: в Румынии работает теперь комиссия „Украинской народной республики“, во главе с Мациевичем, военный отдел ее находится в тесном контакте с румынскими военными властями; румынский арсенал выдал петляуровцам пушки,

1062615

~~с. 97~~

БИБЛИОТЕКА
№-72 Варшава
при ЦК КПСС

пулеметы и винтовки; румынской пограничной страже приказано облегчать петлюровцам, — т. е. бандам, — переход через Бессарабскую границу. Как это делается, — у меня есть сведения: из Тираспольского района доносят, что 8-го марта были обстреляны с румынской стороны посты в районе Тарново (западнее Тирасполя).

Вы, конечно, не забыли еще про того часового на Днестре, который был убит румынской пулей с того берега, — про часового, воспетого в превосходной балладе Демьяна Бедного.

Так вот и сейчас Красная армия просит вас не забывать, что по Днестру она несет охранную пограничную службу: по левому берегу реки шагают красноармейцы на страже против наших врагов, а с правого стреляют и одиночными выстрелами и залпом, — и время от времени падает наш часовой на Днестре, напоминая нам, что вопросы с Румынией еще далеко не обеспечены и разрешены, и что далее нельзя жить в таких условиях. Мы не хотим, чтобы Днестр оставался артерией банд; а если г.г. румынские правители думают, что Генуэзская конференция санкционирует такие отношения, то они ошибаются.

О румынских правителях нужно будет поговорить когда-нибудь особо. Мы их недурно знаем: весь свой облик, все свое прошлое они оставили в наших руках. К нашему сожалению, мы слишком были заняты (как французы говорят, у нас была необходимость сечь других шкодливых кошек) и мы не могли удосужиться использовать до сих пор богатейшие румынские архивы, которые эвакуированы были в свое время к нам и хранятся сейчас на советской территории. Виднейшие из г.г. румынских министров, генералов и политиков представлены здесь обстоятельными биографиями. А биография румынских министров не есть такая нравственная книга, чтобы ее рекомендовать для воспитания молодого поколения... Мы надеемся, что наше ведомство иностранных дел примет необходимые меры к тому, чтобы Ге-

пузской конференцией самое ценное из румынских архивов было извлечено. Если этой книги не следует давать в руки юноше лет 15—16, то дать ее в руки Ллойд-Джорджам и Пуанкаре будет в высокой степени полезно.

Положение в Закавказьи.

Есть, товарищи, данные о том, что наиболее острые опасности угрожают нам в Закавказьи. Это понятно. Пока мы все время находились в области национальных притязаний, шовинистических мечтаний малых государств, а на Кавказе—там нефть. Нефть дело в высшей степени серьезное и самые могущественные и ответственные биржи Европы и Америки не побоятся испачкать свои руки о бакинскую и кавказскую нефть. Вот почему, одновременно с воссозданием белогвардейских банд в окраинных государствах, в Париже происходит объединение бывших демократических и буржуазных кавказских правительств, под руководством давно знакомого нам Нуланса.

Я только на днях вспомнил из одной телеграммы, что Нуланс является председателем партии республиканцев-социалистов. Вы этому не поверите? Сам, забывши об этом, я тоже тому не поверил. Я тоже удивился. И только прочитав вторично: — „республиканец-социалист Нуланс—глава этой партии“, вдруг вспомнил, что и у нас есть тоже революционеры-социалисты, или „социалисты-революционеры“... Вырождение старых радикальных мелко-буржуазных групп в орудие оголтелых и злобных биржевиков лучше всего видно из истории Франции. Кто захочет эсеру объяснить его собственную историю, пусть скажет ему: „поглядишь в Нуланса, как в зеркало, вот твоя собственная судьба“.

Итак Нуланс—председатель партии республиканцев-социалистов является организатором бывших кавказских правительств—мусульманских муссавитистов, армянских дашнакцаканов и грузинских меньшевиков. Одновременно

с этим Врангель берет снова на учет демобилизованное офицерство в Юго-Славии и Болгарии, и снова их газеты за границей и наши сведения сообщают о подготавливаемых десантах на Одессу, на Новороссийск, на Батум, на Сочи. Другое донесение тому же самому, если я не ошибаюсь, верховному монархическому совету говорит, что наступление на Белоруссию и на Украину предстоящей весной явится только демонстрацией: „самое серьезное начнется на Кавказе, где главным образом предполагается Николай Николаевич Романов“. — „В район Сочи и Батума перебрасываются все имеющиеся силы. В зависимости от обстоятельств, думают начать наступление с Кавказа в сторону Волги или Донецкого бассейна. Ходят слухи, что Николай Николаевич вошел в связь с американскими капиталистами“ и т. д.

Планы франко-английской биржи.

Мы, товарищи, не собираемся преувеличивать значения этих подготовок, ибо мы знаем ограниченность их сил: последние не отвечают размерам их воли. Но мы сделали бы ошибку, если бы отнеслись к этой подготовке без достаточного внимания. План совершенно ясен. Он вытекает из кое-каких рассуждений французских газет; переговоры—с Россией, но Кавказ не Россия,—мы Кавказ в свое время признали, буржуазный Кавказ есть лучшая гарантия, Кавказ есть нефть...

Вот их речи. Для того, чтобы проложить дорогу к нефти, одинаково хороши и мусульманские муссаватисты, и грузинские меньшевики, и великий князь Николай Николаевич, и Церетелли. Биржа глубоко реалистична, она не полагается только на белогвардейские организации, с базой в Польше, в Румынии. Биржа считает, что для ее переговоров с нами в Генуе будет полезнее, если в это самое время на нашей западной границе нам будут наноситься удары, которые будут нас ослаблять: ведь, это значит, что она получит большее число процентов

и—как максимум—она рассчитывает на Закавказье, ибо Закавказье—это нефть!..

Когда мы читаем французскую правительственную и полуправительственную прессу, то иной раз кажется, что эти люди лишены элементарного здравого смысла. На самом деле это не так,—они пишут для людей, которым, действительно, не хватает здравого смысла, но сами-то они хорошо знают, чего хотят... В план Франции входит,—пишут они,—чтобы Советское правительство явилось в Генуе в той же роли, как немцы в Версаль; другими словами, они желают, чтобы на совещании представителей Советов и представителей великих держав были выработаны положения, которые будут предложены Советам в ультимативной форме. В главных чертах положения эти предполагаются следующие: роспуск III Интернационала, возвращение союзным державам их имущества, заводов и капиталов, оставшихся в России, наибольшего благоприятствования Франции и т. п. Нас пригласят в Геную, подготовят ультиматум и пред'явят его нам. А если мы откажемся принять?..

И вот, в Гельсингфорсе, в Варшаве, в Бухаресте читают об этих планах—и говорят: „значит, можно еще пострелять часовых на Днестре... Им пред'явят ультиматум. Владыки Франции, Англии, Италии соберутся и, призвавши их, прочитают им не более не менее как ультиматум“... Что же, пусть прочитают—а дальше что? Увы, они не смогут двинуть ни одним собственным солдатом против нас,—как было и до сих пор!.. Тогда они скажут польскому и румынскому правительствам: „Нападай, наступай ты, потому что они не выполнили нашего ультиматума“.

Если так, то Польше и Румынии надо решать вопрос для себя проще—независимо от Генуэзской конференции; потому что Генуя им никаких материальных сил не прибавит, а у нас не убавит. Ибо как раз наоборот: если бы там попытались пред'явить нам ультиматум, направленный на то, чтобы нас ослабить и закабалить, то от

этого наша Красная армия, конечно, не выросла бы численно, но зато сплотилась бы еще больше, а симпатии к нам рабочих масс неизбежно возрасли бы во всей Европе и всем мире.

В Праге, столице молодой Чехо-Словацкой республики, 6 марта состоялось совещание промышленников при участии правительства. Здесь формулированы были требования, имеющие быть нам предъявленными (господин Бенеш, пожалуй, должен был их знать): 1) принципиальное признание старых долгов, 2) восстановление частной собственности и частной инициативы, 3) возмещение убытков иностранцам, 4) предоставление каждому государству определенной территории для его деятельности, 5) право открытия в России отделений иностранных банков, 6) введение полного уголовного, коммерческо-гражданского судопроизводства и др.

Эта информация идет, казалось бы, из вполне солидного источника,—но не хочется верить, что чехо-словацких промышленников сбивает с толка такого рода вздор... Если они или промышленники других стран надеются на что-нибудь подобное, то, разумеется, Генуэзская конференция, на которую мы идем со всем желанием добиться серьезных хозяйственных отношений, доставит им серьезные разочарования. В самом деле, к чему здесь все сводится? К тому, чтобы заменить советскую форму собственности капиталистической формой собственности, советское право—капиталистическим: они хотят нас сделать „беленькими“ и затем обещают нас полюбить... Мы не претендуем, чтобы они полюбили нас „красненькими“, ибо дело не в чувствах: но мы хотим, чтобы они считались с нами такими, какими мы существуем,—ибо меняться в цвете мы ради Генуи не собираемся нисколько. (Аплодисменты)... Мы показали, что мы можем и хотим создать условия сотрудничества с иностранным капиталом. Если нас оставят в покое и дадут нам возможность жить и развиваться, наше Советское право не будет, разумеется, тождественным с правом

буржуазным,—к нему капиталисту нужно будет приспособиться, изучить и понять его, но в пределах Советского права и Советской законности капиталист сможет делать очень большие, выгодные для него хозяйственные операции. И уж, конечно, не для того рабочий класс России в течение десятилетий боролся под знаменем пролетарской революции и завершил ее, чтобы затем под угрозой ультиматума чехо-словацких или иных промышленников переделывать право строящейся социалистической республики на достаточно хорошо известные какие бы то ни было буржуазные права.

Отношения с Англией.

Сегодня телеграф принес известия о том, что английское правительство вынесло постановление не оказывать помощи нашим голодающим. Телеграмма, повидимому, строго соответствует действительности: — не то, чтобы Ллойд-Джордж серьезно рассчитывал на падение Советской власти, но это решение очень симптоматично. Значит, в буржуазных кругах опять разыгрались предгенуэзские колебания, — значит, Ллойд-Джордж, положение которого стало несколько менее устойчивым, чтобы застраховать себя и перед той частью буржуазного общественного мнения, которое против соглашения с нами, выбросил этим непримиримым капиталистам кость в виде постановления, — которое само по себе, конечно, вполне „законно“: нельзя же заставить английское правительство помогать голодающим на Волге.

Но, с другой стороны, это постановление, в связи с комментариями некоторых официозных английских газет, получает полудемонстративный характер. Одна из газет, „Дейли-Кроникль“, говорит, что, дескать, отказ английского правительства от помощи вызывается тем, что Советская власть еще содержит Красную Армию... Уж не намерено ли английское правительство предложить в Генуе разоружение или сокращение армий? Что

касается нас, то помехи во всех тех мероприятиях, которые должны облегчить народам военную ношу, с нашей стороны ждать, разумеется, не приходится... В то время, как идет подготовка по всей линии к новым весенним ударам против нас, в то время, как французский генеральный штаб через свои военные миссии преподнес петлюровцам такой „невинный“ подарок, как танк, английское правительство, если верить „Дейли-Кроникль“, изумляется, что мы сохраняем Красную Армию! Да, мы ее сохраняем уже по одному тому, что мы твердо помним (я с этого начал) опыт конференции на Принцевых островах: после несостоявшейся конференции на Принцевых островах мы пережили самый мрачный и тяжелый год.

Но мы тогда были в военном отношении несравненно слабее, чем теперь. Я очень жалею, что тов. Руднев здесь не упомянул о том, что сообщал мне на личном докладе: во время карельской кампании у нас в смысле снабжения, в смысле порядка наблюдались явления, каких не было раньше (тов. Руднев был в самом центре, в самой гуще военных операций). Вся эта кампания развернулась с превосходной правильностью, именно с тем качеством, которого нам больше всего до сих пор не хватало. Красноармейцы работали, как герои,—но это мы видели и раньше,—важно, что самый механизм, самый аппарат армии стал несравненно более четок, правилен,—а это, товарищи, есть величайшее завоевание. Мы себя критиковали достаточно откровенно и добросовестно—и можем, должны теперь отметить крупные успехи... Так вот эта армия с улучшенным аппаратом и будет сохранена до тех пор, пока остаются опасности.

И каждый голодный волжский крестьянин скажет, что армия нам нужна, хотя и сознает, что армия самым фактом своего существования отвлекает средства и продовольствие. Голод есть тягчайшее физическое бедствие, которое означает гибель сотен тысяч и миллионов че-

ловческих существ; но если дать затянуть петлю на шею русского народа, это означает смерть всего народа—или рабство, которое хуже смерти... Вот почему голодный волжский мужик признает существование Красной армии до тех пор, пока есть враги.

Голод и наши враги.

А враги есть. Разве факт самого голода не пытаются сделать отравным ударным пунктом против нас? Да само решение английского правительства разве не показывает, в какой мере голод является для широких буржуазных кругов не фактом народного бедствия, а лишь политическим фактом, плюсом для их дипломатии и для финансовой аристократии!.

Мы имеем помощь,—и получаем ее не только от рабочей массы, но также и от буржуазии,—напр., от такой полуправительственной официозной организации, как АРА. Эта помощь разворачивается все шире и, разумеется, она играет сейчас в нашей жизни огромную роль. Не ценить ее нельзя... Я получил справку от нашего уполномоченного при организации АРА и других организациях о размерах помощи. Эту справку я считаю долгом огласить здесь.

В августе месяце АРА обязалась кормить 1 миллион детей. В октябре она кормила уже 1.200.000, а сегодня она кормит 2 миллиона детей и до 30 тысяч коечных больных. В то же время мы должны получить из Америки 20 миллионов долларов в пользу голодающих России. Это значит, что через 2—3 недели мы сможем кормить 5 миллионов взрослых голодающих. Если сравнить помощь АРА с другими европейскими организациями, то окажется, что они все, вместе взятые, выполняют работу в 10 раз меньшую. Мы знаем, что героические усилия Нансена разбиваются о черствость Европы, затем мы знаем, что „Общество друзей“—квакеры кормят 180 тыс. детей и т. п. Эти организации являлись сюда

со своим персоналом, и этот персонал выполняет очень тяжелую работу. Из 170 служащих АРА—15 человек прошли через сыпной тиф. Из Нансеновской организации погибло от сыпняка двое (англичанин д-р Фаррар и итальянец Гвидо Пардо), от Шведского Кр. Креста—погибла сестра милосердия Каринг-Линсгок, и от Германского Кр. Креста—погиб д-р Гертнер, погибли и две девушки квакерши: Печерсон и Вайолет Тиллард... Когда думаешь об этих жертвах, то хочешь сказать, что и в наше кровавое и в то же время героическое время есть люди, которые, независимо от своего классового положения, руководятся исключительно побуждениями человечности и внутреннего благородства! Я читал краткий некролог этой англо-саксонской женщины: Вайолет Тиллард—слабое, хрупкое создание—работала у нас в Бузулуке, в самых ужасных условиях, пала на своем посту и там похоронена... Вероятно, она не отличается от тех других, павших на своем посту человеколюбия... Здесь мы насчитываем шесть таких могил. Может быть, будут еще,—даже вероятно—будут. Эти могилы являются как бы предзнаменованием тех будущих новых отношений между людьми, которые будут основаны на солидарности и не будут омрачены корыстью. Когда русский народ будет несколько богаче, он поставит (мы в этом глубоко убеждены) большой памятник этим погибшим героям—предвестникам лучшей человеческой морали, во имя которой мы и боремся. Да, если бы не было веры в то, что когда-нибудь люди будут относиться друг к другу, как сестры и братья, не из за чего было бороться, строить баррикады, вести сражения.

Мы, знаем,—не везде и не всегда вместе с филантропией проходят исключительно бескорыстные чувства. Но мы все-таки констатируем, что великая заокеанская республика оказалась в десять раз щедрее, великодушнее всей Европы. Она перебросила к нам массу продовольствия,—правда, недостаточно большую, по нашей нужде, но все-таки абсолютно очень большую—она кор-

мит и спасает от голода многих русских крестьян, крестьянок и их детей.

Скажем же, во имя ясности, что наши чувства к Америке являются не „одноцветными“, что они омрачены. Я спрашивал себя сам не раз: чем объясняется тот факт, что имя Нансена окружено в нашей стране таким ореолом,—тогда как к организации АРА мы относимся только с благодарностью? А это, несомненно, те чувства, какие эта организация могла бы вызвать в сердцах трудящихся масс, она не вызвала. Объясняется это тем, что мы не знаем, чего хочет по отношению к нам Великая Заокеанская Республика.

Мы нередко слышим и читаем о тех лицах, которые играют руководящую роль в организации АРА,—и эти имена как раз связываются с наиболее враждебными выступлениями против нас. Мы читаем, напр., в газетах, что Врангель получил новую субсидию из влиятельных американских сфер,—и кое-кто пытается эти „сферы“ связать с теми сферами, которые прикосновенны к АРА (мы, правда, это различаем: не в самой АРА, а только „прикосновенны“). Мы хотим верить, что это не так. И мы глубоко заинтересованы в том, чтобы руководящие круги Американской Республики создали в этом вопросе полную и безусловную ясность. Для нас будет большим праздником тот день, когда в Вашингтоне и в Нью-Йорке будет ясно сказано, что с них довольно опыта Вильсона—Колчака, что отныне они ни материально, ни морально не поддержат врагов русских рабочих и крестьян; и тогда роль АРА — огромная, великодушная роль—предстанет перед ними в полном своем величии. Тогда, наконец, отношение трудящихся масс будет не только отношением благодарности, но и станет отношением пламенного горячего чувства...

Могут сказать, что, оценивая таким образом обстановку, я отождествляю позицию советского правительства с позицией народа. Да, отождествляю и делаю это вполне сознательно,—и пока этого не поймут в Вашинг-

тоне и Нью-Йорке, они ничего не поймут в судьбах русского народа. Наша революция пробудила и изощрила государственный инстинкт русского народа. Он уже из окружающей среды впитывает в себя политические внушения и делает выводы; он чувствует, что двойственность, которая как-то складывается в наших отношениях с АРА в той обстановке, которая сейчас существует, таит опасность...

Опасность есть.

Если шатание в вопросе о Генуэзской конференции поставило столько вопросов наших по отношению к другим государствам, то надо в первую очередь обратить внимание нашего народа на то, что делается сейчас в Париже, где произведен вполне определенный законченный маневр по отношению к нам. Это наибольшая угроза Закавказью. Там на Кавказе существует опасность; там идет борьба за лже-демократические лозунги, захватывающая заинтересованные стороны,—которые, распевая Интернационал, играют роль агитационной пристяжки у коренника—английского нефтепромышленника.

Опасность есть, но ее не надо преувеличивать, потому что мы знаем состояние наших врагов. Мы знакомы с внутренним положением Англии, мы знаем, как обстоит у нее дело с Ирландией, мы осведомлены о событиях в Индии. Мы знаем положение Франции, от нас не тайна—ее замыслы, ее работа,—и мы ежедневно убеждаемся, что ни одна страна не шла с такой уверенностью к своей катастрофе, с какой идет Франция. Мы знаем и силы наших врагов: они создали единый фронт, начиная с Эстляндии, Латвии и доведя его до Черного моря,—и еще другой фронт должен пройти по Кавказу.

И мы предупреждаем трудящиеся массы и Красную армию нашей страны, что опасность есть. Эта опасность меньше, чем была в 1919 г., но тем не менее она есть, а мы сильнее, чем были в 1919 году.

Наряду с этим производится, сплетается в некоторый определенный узел и контр-революция. Мы уже наблюдали, что в Петрограде производились взрывы, поджоги, идет подготовка к взрывам мостов, складов; но мы должны все же сказать, что контр-революционное движение перестало быть сколько-нибудь массовым: оно все теснее и теснее входит в русло подпольных организаций и выражается в налетах отдельных банд. Перейдя на положение мира, мы провели целый ряд мер, которые свидетельствуют о нашем твердом желании мира и мировой работы; мы сократили армию на третью часть и продолжаем это сокращение; мы упразднили Всероссийскую чрезвычайную комиссию и сократили полномочия органов борьбы с контр-революцией до последней степени. Там, за-границей, меньшевики и эсеры шутят шутки, будто мы „переименовываемся и причисляемся“ к Генуэзской конференции. На самом деле—ничего подобного. Если гражданская война исчерпала себя, и мы завоевали для себя возможность мирных отношений, то само собой разумеется, что мы должны были перейти к другим формам. Если дела, которыми мы были так сильно заинтересованы раньше, мало по малу разрешаются, число их сокращается, и, наконец, они полностью переходят в архив,—то это значит, что мы считаем такое положение для себя необходимым. Мы должны сказать промышленникам, кулакам, купцам, торговцам: „Если вы больше не будете спускать своих ценных собак, которых вы подкупаете, если вы не будете мешать нашей мирной работе, то у нас будет мир. А раз вы зовете нас на мирные переговоры в Геную, то значит и вы сами хотите, вместе с нами, этого мира? Если вы нам дадите мир извне, то внутри у нас мир будет обеспечен,—и чрезвычайные меры революционного террора нам не нужны будут“... Революционный террор необходим, когда вынужден обстановкой, но если создаются и упрочиваются мирные условия, оружие террора слагается в арсенал, создается устойчивое советское право, вполне обеспе-

чивающее сотрудничество наше с буржуазным миром. Но если эти господа захотят сделать еще раз—эн плюс первую попытку прощупать нашу устойчивость и прочность, если они снова спустят на нас савинковцев, петлюровцев, Скоропадского, армянских дашнаков, грузинских меньшевиков, эсеров, бомбистов и прочих, и все это будет финансироваться из источников французской или американской биржи, то это будет означать следующее: капиталистический мир, убедившись в том, что мы хотим с ним главным образом мира, убедившись в этом не из слов, а из фактов, все же пришел к выводу, что ему сношения с нами не по плечу, что он слишком слаб, чтобы сноситься с нами на поле хозяйства на равных началах. Но, если он придя к этому самоубийственному выводу, вздумает выбросить на нас своих цепных собак, начиная от помещиков, чиновников и капиталистов и кончая бомбистами так наз. „левсго“ толка, Советское правительство в целом скажет: „Орудия и оружие красного террора рано еще сдавать в арсенал“. (Аплодисменты).

Товарищи, если враги наши захотят испробовать упругость нашей воли и крепость наших мышц, они найдут нас такими же, какими мы были в октябре 1917 г. (Аплодисменты). Когда мы, ошельмованная, оклеветанная и нелегальная партия, из подполья Керенского выползли наверх, тогда весь мир встал против нас... Одни считали нас продажными агентами, другие—убийцами, но все были против нас... Теперь положение немножко другое. И, однако, от нас кто-то, лишенный всякого смысла, хочет потребовать, чтобы мы распустили не более и не менее, как Коммунистический Интернационал, — распустить французскую, германскую коммунистические партии, распустить авангард всего мира! Нет, мы его не распустим. (Аплодисменты). Мы, товарищи, оцениваем обстановку трезво, реально; мы предпримем все, что возможно, чтобы не иметь ни одного лишнего врага,—с Финляндией договориться во что

бы то ни стало, с Эстонией, Латвией об'ясниться, дела с Польшей попытаться уладить, с Румынией—еще раз взять себя в руки и найти путь к соглашению. Мы ничего не упустим из виду; мы знаем, что эти страхи, которыми нас пугают, являются в значительной мере отражением тех опасностей, которых они сами пугаются, ибо положение Европы тяжело. И тем не менее мы не скрываем от вас, что ближайшие месяцы будут для нас месяцами нового испытания; тяжкая весна, голод, сокращение продовольственных ресурсов, шатание умов буржуазных классов Европы, оживление бандитизма, бело-гвардейщины. Возможное оживление внутренних заговоров,—создание против нас единого фронта от Ник. Ник. Романова и до Чернова. На этот единый фронт мы, как всегда, ответим единым фронтом у себя. У нас не должно быть ни шатания, ни колебаний, ни кружковых происков, ни внесения разлада в нашу работу, в среду. В эти ответственные недели и месяцы—полное единство пролетарского авангарда с широкими рабочими массами, полное единство республики с миллионами крестьян, полное единство рабочих и крестьян с их вооруженным отрядом—Красной армией.

Пока существует этот наш единый фронт, мы не боимся никакого фронта, питаемого контр-революцией. Мы скажем: „В Геную, так в Геную... Мы, с своей стороны, все сделали. Но, если вы хотите снова меряться с нами на полях сражений, то Красная армия выполнит свой долг“.

1p

2